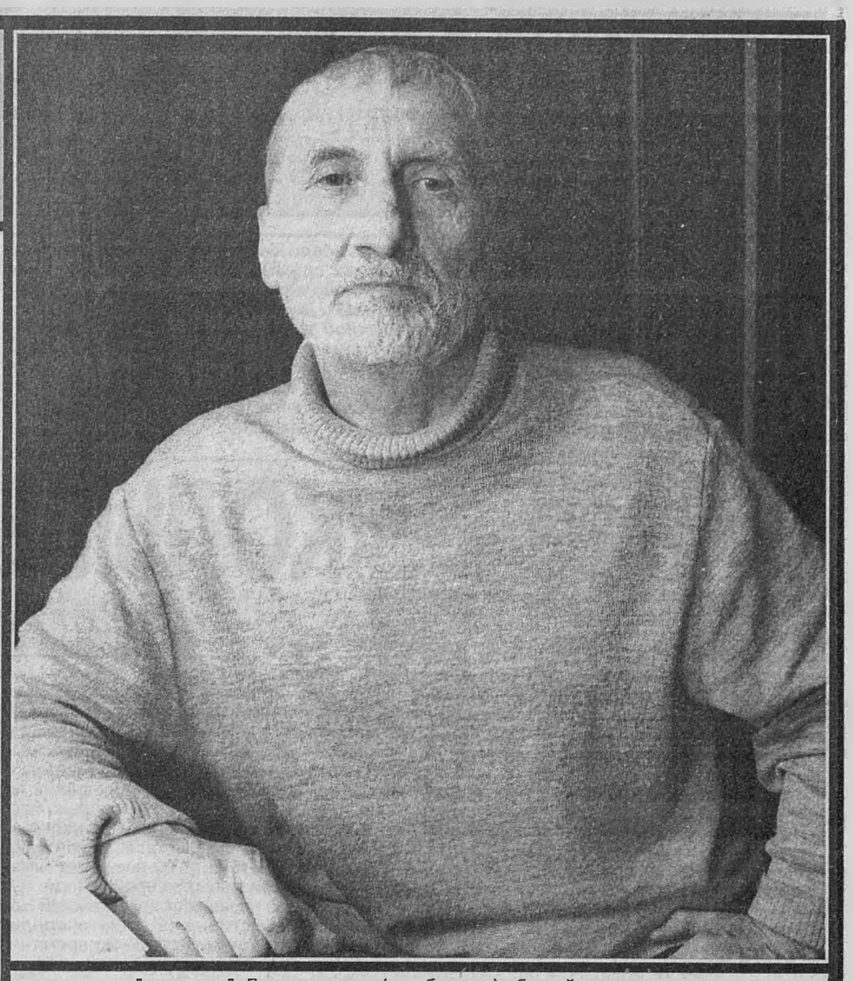
УМЕР ПИСАТЕЛЬ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ АФАНАСЬЕВА



ПЕВЕЦ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Ты помнишь, как мы с тобой хохотали, безудержно, счастливо и легкомысленно? И смех наш был беззлобный, сверкающий, как молодой летний дождь. Среди этого смеха, любви, красоты, среди очаровательных женщин, стихов, наших первых наивных и верящих книг сложилась наша дружба, образовался талантливый и страстный кружок литераторов, начинавших свое исследование бесконечной, стомерной русской жизни. Мы приносили свои открытия на общий суд, любовались один в другом проникновенной прозорливостью, уменьем любить, сострадать, обожать. Мы предчувствовали возможность беды. В нас вонзались ледяные сквозняки истории. Мы добывали свои знания, кто в деревенской глухомани, кто в грохоте сибирских строек, кто в тесноте московских квартирок. И знания эти были порой неутешительны и печальны, но мы веровали в божественное предначертание Родины.

Когда случилась беда, и на нас напали бесы, закружили той ужасной осенью, подняли к мутной, жуткой, осенней луне, затмили очи, а потом опустили на землю, мы увидели страну захваченной, веру попранной, а наш тесный кружок навсегда рассеянным и разбросанным. Одни из нас пошли в услужение к бесам. Другие навек замолчали, словно их рты зашили сапожной дратвой. Третьи кинулись сражаться. Ты был из тех, кто сражался.

Я не предполагал, что в твоем прозрачном, нежном, насмешливом даре вдруг откроется такой жгучий ключ ненависти. Так монах ненавидит демона. Партизан — оккупанта. Георгий Победоносец — кольчатого дракона. Знаток куртуазных отношений, забавных московских историй, мастер смешных коллизий, ты вдруг оказался в аду. Стал исследовать ад, чтобы в его лабиринтах найти комнату, где запечатана смерть ада. Исследовал кольчатое броненосное тулово дракона, чтобы отыскать в нем уязвимую точку и вонзить копье. Ты исследовал ад, как спасатели Чернобыля исследовали Четвертый взорванный блок, получая ожоги, смертельные дозы радиации, чтобы замуровать в саркофаг адское чудище.

Твои романы были об адских полчищах, нетопырях, вурдалаках, отвратительных ведьмах, гадких кровососах. Круг за кругом ты шел этим адом, выписывая его жуткую архитектуру, гибнущих в нем грешников, толпы ликующих исчадий. И ты всегда рисовал Героя. Всегда зачитывал приговор аду. Ты заколдовывал его. Посылал навстречу адским духам Зла богоносных духов Добра. Ты боролся с адом мистикой своей любви и веры, поворачивая вспять летящие на Родину полчища. Ты и был Георгием Победоносцем, не слезающим с седла, без устали вонзающим копье своего таланта в черный зев змея. У ворот Града неизменно стояла Царевна, которую ты защищал. Твоя Дама Сердца. Твоя Невеста Неневестная. Любимая тобой, ненаглядная Россия.

Ты погиб, искусанный и истерзанный змеем. Ты пал в борьбе с адом. Ты из тех, кто ценою жизни отодвинул ад от родного порога. Ты умер как мученик за веру, за красоту, за Родину.

"Такой любви и ненависти люди не выносят, какую я в себе ношу..." — написал любимый тобою Блок. "И ты опять пройдешь передо мною в девятый день и в день сороковой..." — вспоминал я, стоя над твоим гробом в тесном московском храме. "Та, кого любил ты много, поведет рукой любимой в Елисейские поля..." — повторял я, сидя на твоих поминках, не пьянея, глядя на твою фотографию с черной перевязью, на твое прекрасное, дорогое лицо.

Когда-то, на один счастливый мой юбилей, ты подарил мне фарфоровую вазу с фарфоровой, трогательной и милой птицей, что присела на выступ сосуда. Придя домой после печальных похорон, я потянулся к вазе, повернул к себе птицу. Теперь стану глядеть на нее. Покуда мне попущено жить на земле, все буду любоваться твоим подарком. Буду думать, что это ты, мой друг, поселился в фарфоровом теле милой молчаливой птицы и смотришь на меня с тихой любовью.

Александр ПРОХАНОВ

ОН ШЕЛ НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ

Анатолий Афанасьев был одним из самых тонких лириков в нашем поколении "сорокалетних" прозаиков. Его талантливые романтичные младшие научные сотрудники влюблялись, творили, и вокруг них порхали воздушные создания, полные любви и надежды...

И вдруг всё оборвалось. Перестройка оборвала все планы и самих молодых инженеров, и ученых, и их возлюбленных. Одни пошли на панель, другие или нищенствовали, или ушли в разбой. Оборвались планы и самой науки и инженерии. Все кончилось.

Кончилось и Толино восхищение свободами, цивилизацией, правами человека. Ведь в своем первом воплощении прозаика Анатолий Афанасьев был, как никто другой из нас, близок Руслану Киреева, Анатолию Курчаткину, Владимиру Маканину — нашим восторженным демократам.

Новый Анатолий Афанасьев возник как-то сразу. Ему настолько чуждо по духу было потребительство, чужд весь этот новый уклад безудержного воровства, предательства, отмены вечных человеческих ценностей, что он просто не мог спокойно вписывать своих былых лирических героев в новую реальность, как , к примеру, это делал его друг Юрий Поляков. Из тонкого лирика вырос беспощадный разгребатель грязи, социальный сатирик, мастер антиутопий.

То, что, к примеру, Татьяна Толстая писала десять лет — свою "Кысь", Анатолий Афанасьев с неистовством народного мстителя писал за полгода. И художественно его антиутопии были гораздо более убедительными. Но не те антиутопии он писал, чтобы быть замеченным прессой, и тем более телевидением.

Пока писатели его поколения на своих пленумах спорили: надо ли писателю идти в политику, Анатолий Афанасьев росчерком пера уже давно расстреливал всех чубайсов и гайдаров, всех ельциных и черномырдиных. Думаю, по накалу ненависти к зарождающемуся у нас в стране криминально -феодальному строю с ним не может сравниться никто из ныне живущих писателей. Его побаивались и сторонились даже патриоты. С трудом, пригрозив выходом из редколлегии, мы — трое (Проханов, Личутин и Бондаренко) вынудили "Наш современник" опубликовать один из лучших его гротескно-сатирических романов. И хотя на этот роман положительной почты в адрес журнала пришло больше, чем на все остальные вместе взятые, хотя те же самые старики-пенсионеры, потенциальные подписчики журнала, явно одобрили бичующую прозу Анатолия Афанасьева, повторить эксперимент с прозой Афанасьева этот журнал не решился, даже в отсутствие сильной журнальной прозы. Не получилось долгого сотрудничества и с журналом "Москва".

Соединение афанасьевской лютой ненависти к существующему режиму с литературной формой социальной антиутопии или с фантастическим триллером, со сказовой формой письма, где один благородный рыцарь или же богатырь сражается со всем кощеевым войском, спасая свою возлюбленную и своих друзей, — оказалось не по зубам современному литературному процессу.

Коллеги-реалисты от Афанасьева отвернулись, не признавая его погружения в атмосферу зла, его горьких откровений о сегодняшней повседневной реальности, его неприкрытой чувственности. Коллеги-фантасты не приняли в свой круг Анатолия Афанасьева из-за явной социальности книг, из-за погружения в сегодняшнюю политику, когда за злодеями легко угадывались сегодняшние политические прототипы. В роль традиционного мастера триллеров он тоже явно не вписывался.

Ему на самом деле был в чем-то близок тот же Григорий Климов, которого он знал и ценил за его лучшие работы, был близок его ближайший друг Александр Проханов и его яркие политические романы, была близка сатира Платонова и Булгакова. Думаю, какие-то приемы поздний Проханов в своих романах "Господин Гексоген" или же "Крейсерова соната", не стесняясь, позаимствовал у Анатолия Афанасьева. Думаю, даже Владимир Личутин, постоянно споря и спотыкаясь об обнаженную эротику Афанасьева, тоже испытал некое влияние своего друга в том же романе "Миледи Ротман"...

Поразительно, об Афанасьеве, кроме газет "Завтра" и "День литературы", никто и никогда за эти годы не писал, а тиражи его сатирических антиутопий росли, издатели начинали бороться за право на издание его собрания сочинений.

Помню, в "Новом мире" какой-то изощренный эрудит и эстет, академик, уставший от окружающей его ненавистной ему действительности, написал, мол, в современной прозе я ничего не читаю, кроме романов Анатолия Афанасьева и Сергея Алексеева (кстати, на самом деле близкого ему и по позициям и по жанру русского писателя, тоже резко ушедшего от психологического реализма в мир фантастических сказок на современную тему). И он был прав, этот утомленный жизнью читатель, не случайно сегодня культовыми писателями стали Александр Проханов и Эдуард Лимонов, не случайно такой шум идет вокруг романов Михаила Елизарова "Pasnernak" и Дмитрия Нестерова "Скины". Читателя уже достало до печенок, и он уже не меньше Анатолия Афанасьева ненавидит всю окружающую его действительность. Если даже Валентин Распутин взялся за оружие и сделал расчетливым убийцей кавказского злодея свою положительную героиню в последней повести " Дочь Ивана, мать Ивана", значит, на самом деле, иначе уже жить нельзя…

В нашем достаточно узком кругу друзей (Проханов, Личутин, Афанасьев, Бондаренко...) Анатолий, пожалуй, наиболее непримиримо относился ко всему новому мироустройству в России. Нельзя сказать, чтобы он был шибко красным или настроенным чересчур просоветски. Очевидно, какие-то спокойные пластичные перемены в обществе он бы принял со всей душой. Но он оказался не в Китае, где и происходят такие динамичные созидательные перемены, а в России, где после партократов к власти пришли воры и насильники. Не случайно все его злодеи, это или депутаты и олигархи, бывшие до перестройки простыми уголовниками, или же бывшие партийные чиновники, советские вельможи, превратившиеся в системе безнаказанности в мафиозных деятелей. Временами мне казалось, что Анатолий сам готов был достать какую-нибудь бомбу и взорвать какого-нибудь Гайдара или же Немцова, не пожалев и собственной жизни. Но, я думаю, заряд ненависти в его книгах по отношению к подобным личностям таков, что когда придет время , его читатели полностью исполнят его наказы...

Я уже писал, что от него отказались многие друзья-реалисты, его не приняли в свой круг друзья-фантасты. Да он ни к кому и не рвался. Ему хватало нескольких верных друзей, хватало верных читателей, хватало семьи и двух детей. Больше ему ничего не надо было.

Расширять свой мир дальше, ходить на какие-то литературные тусовки он упорно не желал. Даже всегда приходя на наши вечера газет "Завтра" и "День литературы", он никогда не рвался на сцену, в президиумы, в число выступающих. Он не желал быть публичным человеком, но цену себе и своим книгам всегда знал. И потому был неуступчив со своими издателями, отказывался отдавать права на инсценировки для кино и телевидения. Он не был скупым, скорее, наоборот, но когда киномафия сама желала писать сценарии по его книгам и запускать их в теле- и киносериалы, они нарывались на резкий отказ. Он понимал, что истина — зло нынешнего режима — будет безнадежно искажена.

Последнее время он был особенно мрачен и первичен. Да и в книге последней он уже не надеется на победу земную. Уже его новый герой, Дмитрий Климов, победитель зла, приходит откуда-то из другого мира, то ли из будущего, то ли из мира ангелов. Он способен выручать людей, но что же так беспомощны сами люди? Вот вопрос — мучающий Анатолия Афанасьева. Люди были согласны на Ельцина, на нищету, на закрытие всех предприятий, их же кормящих. Люди сами ликвидировали свою могучую страну. Ему были непонятны такие люди. Может быть, это непонимание пассивности людей, целого народа и вело Афанасьева к тем или иным срывам, к одиночеству , к смерти ?

Он шел сам навстречу смерти, загоняя, может быть, себя в тупик своими демоническими книгами. Скопище монстров со всех сторон , со страниц его последних произведений наваливалось на него по ночам . Ведь победитель-то его был романтически выдуман, как принц из сказки, как витязь из народной былины, а монстры были живые, из нашей криминальной повседневности... И смерть нашла его, пожалуй, самого молодого из той былой когорты сорокалетних прозаиков. Смерть его победила...

Хотя о его смерти почти нигде и не было сообщено, может быть, все перестроечные монстры, от какого-нибудь Сванидзе до какого-нибудь Бендукидзе, дружно праздновали в тот день свою победу, ибо ощущали некую неловкость от присутствия живого Анатолия Афанасьева и его новых книг на прилавках книжных магазинов.

А мы, его друзья, 9 октября 2003 года отпевали его в Храме Бориса и Глеба, провожали в последний путь на кладбище, а потом поминали его в его квартире на Ленинском проспекте. Увы, многих не было. Не пришел никто из бывших либеральных друзей, даже из тех, кто клялся в своем приходе. Не пришел никто из Союза писателей России, видно не по нутру им была чересчур непримиримая проза Афанасьева.

А вот Александр Проханов , будучи на Франкфуртской книжной ярмарке одним из главных героев, отменил все свои пресс-конференции, все предполагаемые переговоры с переводчиками из западных издательств, отменил для себя этот книжный балаган, где Россия выглядела как нищая сиротка рядом с богатым заморским хозяином, подобным монстру из книг Афанасьева, и прилетел на похороны друга. Подумайте про себя, каждый ли из вас может так поступить?

Вот они передо мной на полке, книги Анатолия Афанасьева, выстроенные в один ряд. Они уже обрели свою собственную значимость и живут отдельно от своего автора.

Может быть, книги его, выстроенные в один ряд, помогут другим победить зло?. Все-таки, звонит же колокол в душе у каждого, даже самого заблудшего, и это колокол добра и веры, веры и надежды, надежды и любви.

Я задумался, а может быть, именно такая непримиримая ко всяческому злу проза — и есть настоящая православная проза? Может быть, такую непримиримость и ждет от нас Господь?

Владимир БОНДАРЕНКО

Полностью статья будет опубликована в "Дне литературы" № 10

ОДИНОЧЕСТВО ГЕРОЯ

Смерть всегда внезапна, как удар молнии из ясного безмятежного неба. Смерть уводит с собою человека, но и заставляет, может быть, впервые в жизни, особенно проницательно вглядеться в ушедшего, в его тускнеющие черты, чтобы запечатлеть тот образ, который был постоянно возле, и к которому мы из-за житейской шелухи были поверхностны и часто невнимательны. Мы судили-рядили о нем зрением обычным, и только в эти трагические часы вдруг открывается в нас подспудно таящееся, внутреннее сердечное зрение, и мы видим покинувшего нас совсем иным…

Мне никогда не забыть особое, густо исчерканное страстями благородное лицо Афанасьева, удивительное по особенному рисунку, его участливый глуховатый голос с иронической интонацией, его дробный хрипловатый смех, его привычку исчезать внезапно, покидать беседу иль застолье, словно бы окружающие люди были в тягость ему; он постоянно тосковал по друзьям, близким по духу, но и не мог оставаться долго возле, будто что-то тяготило, томило, раздирало его.Афанасьев жил всё время в состоянии "ухода", " побега", и это чувство ожидания грядущего пути тяготило, надламывало, вносило трагизм в общем-то устойчивую упорядоченную и счастливо сложившуюся жизнь; он был домашним, городским человеком , а манили постоянно иные, воображаемые миры. Анатолий не был обделен судьбою ни в житье, ни в творчестве, успех рано и прочно навестил его. Когда Анатолий жаловался на болячки, я уверял, что это-де всё пустое, лишь игра тонкого художественного подсознания,повод для усовершенствования; дескать,всё пройдет и схлынет, как с гуся вода:только у мертвого ничего не болит. Но ведь был же повод относиться с доброй усмешкою к его капризам? Конечно, был… Бабушка, которую он любил, жила под сто лет, и я отчего-то был совершенно уверен, что Афанасьеву уготована жизнь долгая, со всеми радостями и неминуемым унынием старости. Дети выросли, вот и внуки пойдут, и он будет хлопотать сердечно возле них, выстраивая свое поколение. И вообще, бытует поверие, что человек, который вечно кряхтит, как старое дерево в бору, живет долго. А Толя надорвался вот в своем непокорном противостоянии,в каких-то неистовых трудах, словно бы чуял свои пределы; он, внешне мягкий, поклончивый, оказывается, как всякий гордый натурою человек, скрытный по существу и одинокий, не умел сгибаться, и этот ветровал, что бушует над Россией уже десять лет, подломил и его.Он катится по вершинам и сламывает болючих душою людей.

Как всякого совестного человека, Афанасьева угнетало наступившее "царство лжи"; он пристрастно вглядывался вокруг себя и, увы, не находил державы, за которую бы можно ухватиться.Его пригнетало, что люди так отчаянно разобщены, что даже писательское общество как бы исключило из себя писателя с большим дарованием и умом, писателя, энергетического, с талантом, близким к провидческому, и это вызывало недоумение и скепсис. Нет, он не обижался ни на кого, не жаловался, но этот недоуменный вопрос "почему?", как бы висел в воздухе.И чем больше Афанасьев выпадал из сообщества, никем не отмеченный, тем более погружался в себя, в свое одиночество и оно становилось уже вызовом всем — дескать, живите, как хотите,а я покидаю вас навсегда, и ни звука мольбы вы не услышите от меня.Есть древнее присловье: "не приближайся слишком близко к властям — возненавидят, и не отстраняйся слишком далеко — позабудут". Гордый русский человек не знает золотой середины: уж если и рвать, то сразу и со всеми, ибо одиночество тоже таит в себе обманчивую сладость.

Русский мир раскололся на две части, и господа, похитив нашу волю, по-барски уселись за столом, по-свински забросив на государский стол свои копыта. Афанасьев мог бы легко вписаться в новую систему, его книги нарасхват, но он остался по эту сторону непроходимого оврага в толще русского народа-простеца, ни разу не изменив ему даже в мыслях, и никакие бы калачи и пышки не смогли бы переманить писателя в "царство лжи".

Я помню, как Афанасьев писал меланхолические повести о любви, в них не было ни крохи глума и блуда, и в них, думается , было много личного, потому что уж слишком тонко запутывалась и распутывалась бархатная паутина человеческих страстей. Он был по натуре своей любовный человек, несмотря на ироничность и подтрунивание, он поклонялся человеческой доброте и совестности, но вот дикое время заставило не только сменить стиль, но и содрало с души созерцательную печаль, с какою создавались его прежние романы и рассказы, и обожгло до кровоточащих язв.

Он боялся сатаны, приход которого предвидел;Афанасьев рассмотрел его в кишении человечьих масс и поразился его мерзости. Но не отступил в испуге, не отвел взгляда. Афанасьев стал в подробностях описывать портрет дьявола в его многоликости, лукавые образы его подельников и попутчиков, не боясь сам опачкаться о "не наших", он как бы готовил стратегию грядущей битвы, помещал русский народ в вымышленные вроде бы фантастические , гротескные обстоятельства.И вдруг, читая романы Афанасьева, ловишь себя на мысли,что его предсказания уже сбылись на наших глазах; они, когда-то очерченные лишь в подсознании,наполнились тварной плотью и уже живут, как фантомы ,властвуя над нами, а мы,аки покорное быдло, прячем голову в песок, стараясь не заметить тех перемен в России, что уже случились.

Афанасьев от природы был наделен неповторимой мягкостью, ироничностью письма,порою жутковатым юмором, от которого коробило поверхностного человека: так интеллигентного человека пугает изнанка войны.Он обладал теми особенностями художественного стиля, что делает писателя неповторимым.Он выпадал из всех обойм , потому что порою обдавал стужею низкой земной правды, которою не всем хочется знать.

Афанасьев был печальным писателем. Писателем пессимистом и трагиком (на поверхностный взгляд); но подавляя уныние перед неистребимостью мирового зла, он не давал безысходности победить окончательно.И потому во всех его последних романах русский герой остается победителем во всех злоключениях.Это была правда его души, не могущей позволить, чтобы время лжи одолело родину.

Афанасьева читают на Руси миллионы, а либеральная критика, уткнувшись в свою квашню, делает вид, что нет такого литератора; и русская критика, по-кошачьи брезгливо отряхивая лапки, чтобы якобы не замараться, нарочито перечеркивает это направление ,в котором и наберется-то всего лишь три-четыре замечательных писателя, но зато всячески привечает, прижимает в объятия порою беллетристов крохотных, укутанных с головою" в серые макинтоши".Афанасьев создал бунтарскую литературу, воинственную, насыщенную разорванным в клочья временем, вызывающую в человеческой душе чувство грозящей опасности, к которой надо стоически приготовиться.

Почти все люди удивительно холодноваты, скупы на искренние чувства, словно бы скапливают их в себе для трагического дня, когда приходит черед раскланяться и проститься.Девять дней летать душе по-над просторами, прощаться с родными и близкими, трепетно слушать наши голоса, оплакивать нас ,страдающих на бренной земле, и радоваться веселящимся.Друг наш ещё так близко от нас, что закроешь глаза, а он вот тут, рядом...

Владимир ЛИЧУТИН

"НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ..."

Анатолий Афанасьев был прекрасным беллетристом, его весело и легко читать. Та чёрная фактура, на которой он работал часто, тот момент и глубинного, и внешнего одиночества, который заметен в его лучших романах, сочетаются с артистизмом — свойством, которое традиционно не ценится нашей критикой и "общественным мнением", и которое вообще-то составляет суть дела. Трудность тут в том, что это свойство очень плохо определяется через "категории". Легко говорить (или болтать) об идейности, о духовности, о социальности, о либерализме, даже о "художественных особенностях", но трудно "определить" самую энергию творчества. Она есть и чувствуется, или её нет. Когда наивные читатели говорят "он хорошо пишет", они имеют в виду и духовность, и сюжетный интерес и всё прочее, а в общем имеют в виду то ощущение гармонии и светлого порядка мира, которое встаёт "из текста" талантливого человека, поэта в широком смысле.

Такой человек часто хорохорится, беспокоен, нервен, защищается от окружающего мира иронией, выходками, смехом (каков и был Афанасьев), но в сущности беззащитен перед этим миром, потому и пытается защищаться; умное общество само защищает подобного человека, что и у нас порою имело место; но что сказать о таком обществе, где господствуют ловкачи и разбойники и втягивают в свою орбиту, в свою атмосферу и нас всех, грешных, хотя среди нас есть и менее, и более стойкие по отношению к этой атмосфере?

Стойкие в каком смысле?

В физическом?

В моральном?

Одни в физическом, другие в моральном (стойкие или не стойкие), другие и так и эдак, но чаще это не совпадает...

Да и не обязан он, художник, во всем "совпадать" перед агрессивным обывателем, это обыватель, если он умный, повторим, должен бы защитить художника: хотя бы ради своих, обывателя, интересов.

Но мы сейчас, да, имеем не общество, а "общество". Оно противодействует художнику и убивает его.

Я думаю, ожидают, сейчас последует: "Вот и Афанасьева убило оно". Нет, всё не так просто. Не будем вторгаться в сферу высших сил, а у нас теперь очень любят это. Кто только не говорит ныне от лица господа Бога... Но " неисповедимы пути Господни". "Мы полагаем, а Бог располагает". Конечно, "наше" "общество" стремится убить таких, как Афанасьев.

Но в этот процесс вмешиваются и сами высшие силы, и когда чёрная немочь думает, что она победила, она, может быть, иногда как раз терпит поражение.

Афанасьев был беспокоен — тонкая нервная система, как говорим в таких случаях; а сейчас он, быть может, обрёл покой.

Афанасьев пытался в тисках несвободы житейской, а сейчас, может быть, обрёл свободу.

Афанасьев, как все мы, думал, что он одинок — но в "час Ч" с разных сторон слетелись его друзья и ценители, чтобы почтить его.

Отметить его присутствие (а не отсутствие) в этом мире.

Земля пухом, вечная память.

....И не будем говорить долго о том, чего мы не ведаем.

Владимир ГУСЕВ

УХОДЯ НА РОДНЫЕ ПОГОСТЫ...

Умер Анатолий Афанасьев...

Нынче смерть на Руси немотствующей собирает обильную жатву...

В полях русских нищих пустынно, почти не слышно, не видно пахарей да жнецов... Одна смерть бродит в сорняках победных, и коса её притупилась от страшных урожаев её...

Господь наделил Анатолия Афанасьева редким даром — даром Сатирика.

Среди бесконечных, пыльных, унылых стад юмористов-глумословов — а их в аду будут вешать за язык — высятся редкие пастухи-сатирики...

Таковыми в русской Святой Литературе были Гоголь, Салтыков-Щедрин и Булгаков…

Толя Афанасьев и был таким Пастухом...

Ныне власть на Руси — от трона до притона — захватили юмористы-оборотни, лицедеи-имитаторы... Не зря сказано: "Дьявол — обезьяна Бога ..."

Овцы возненавидели Пастухов.

Поэтому о блистательных сатирических творениях Афанасьева знали только многочисленные читатели, а обезьянья элита, которую яростно высмеял, — молчала и молчит.

Но Русская Литература навек приняла в свой Вечный Пантеон писателя Анатолия Афанасьева...

Он блаженно испепелил себя ради Слова Истины и обрел бессмертие. Один из его героев говорит: "Брат, пойдем на родные погосты..."

Толя Афанасьев ушел на родные русские погосты... А оттуда вечный путь его пролегает в Царствие небесное...

...Упокой, Господи, душу раба Твоего Анатолия...

И помилуй нас, склонившихся над гробом друга...

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

НА СТОРОНЕ ДОБРА И СВЕТА

В церкви Бориса и Глеба перед его отпеванием крестили детишек; к родному его дому, куда мы вернулись с кладбища на поминки, подъехал в тот же час свадебный белый экипаж. Жизнь не кончилась, а обрамила его похороны двумя этими Божьими действами, будто показала живым верные знаки жизни не в унынии.

Мы простились с его прахом, и остались с его духом. Теперь, может, по-другому прочтем его книги, может быть, сможем раскрыть его коды, смысл его послания.

Что он написал нам?

После ухода его должны наконец стихнуть досужие споры, согреться былые охлаждения, соединиться полярные по отношению к нему позиции, до выстраивания которых охочи писатели необыкновенно, а движимы бывают, увы, либо незрячестью, либо прикладной гражданственностью. Читатели о нём знают побольше нашего, и они его числят по законному праву в больших мастерах верного русского слова. Это слово не боялось быть горьким, не боялось быть громким, не боялось быть отчаянным до боли за эту нашу жизнь. Он её не "фотографировал", не умрачал до гротеска, не подслащивал, не подкрашивал. Он её знал, любил, он помогал этой пёстрой жизни, этому бурлящему котлу страстей и мук, радости и гнева самоосознать себя.

Совершенно духовно свободно и, значит, ответственно он писал ужас жизни, и может показаться живописал его, будто бы своеобразно очаровываясь им. Последнего — не было. Он знал и написал, что пришедшее, грянувшее на землю Зло принимает яркие обличья, с тем, чтобы прикрыть черное свое, гнилое бессильное сердце, взбодрить его запредельным ужасом, обмануть живую, доверчивую жизнь дикими воплями и хрипом, напугать до смерти. Афанасьев принимал этот вызов зла, и победил.

Он писал Сказки, в которых упыри норовили сгубить заколдованную красоту, но на помощь ей и на победу приходили всегда светлые воины. Добро в его книгах, не усмехнусь тут, побеждало зло. Так и должно быть и в жизни, и в литературе, если мы люди с совестью.

Читать его было... радостно, потому что он писал о нашей победной нравственной силе. Антигерои этого времени узнавали себя на его страницах, перечитывая их тайно, как предсказание своего неминучего исчезновения.

Читать его было иной раз страшно, потому что за разлётом мастерского пера видна была непереносимая по тяжести работа проникновения в суть Зла. Не узнав инфернальной сути — не обличишь её, а он это сделал.

Для нас, для живых, он прошел свой путь.

Поклонимся же мужественному светлому воину Добра.

Виктор ПЕРЕГУДОВ

Анатолий АФАНАСЬЕВ НЕ НАДО УМИРАТЬ

Отрывок из неоконченного романа

Кузнечик просыпается в траве, птичка в гнездышке, а я очнулся на больничной койке. Пробуждение было легким, невесомым, как в детстве. Нигде ничего не болело. В палате солнце, напротив меня еще одна кровать, на которой кто-то лежал, укутавшись в серое больничное одеяло, выставив на обозрение лишь седоватый, стриженый затылок. По тумбочке у каждой кровати, пластиковый стол у окна. Я потянулся, пошевелил ногами, руками, обследовал себя: бинтов нет, ран нет, все в порядке, если не считать довольно большой хрящевидной припухлости за правым ухом, которой раньше не было. Но все же, наверное, должно было произойти что-то серьезное, раз я угодил в больницу и не помнил, как и при каких обстоятельствах. Кроме того, никак не мог сообразить, кто я такой. Это встревожило меня, но не слишком. И прежде случалось, особенно с сильного похмелья или после чрезмерной дозы снотворного,что память возвращалась не сразу. Однако на сей раз самоидентификация явно затягивалась: минута проходила за минутой, я делал усилия, пытаясь восстановить сознание, но продолжал плавать в блаженном неведении о себе. Невольно пришло сравнение с "американскими горками": летишь вверх, вниз, в груди истома, голова пустая и чуть раздутая, как пузырь газом, и детский приятный страх, что каждый качок, каждый обрыв может оказаться последним. Постепенно палата начала раскачиваться вместе со мной, нырять и взмывать, скорость все увеличивалась, и наконец я снова уснул, не успев испугаться по-настоящему.

Второе пробуждение было более осмысленным, я уже знал, кто я такой, хотя попрежнему не имел понятия, как очутился в больнице. Соседняя кровать пустовала, зато рядом со мной на стуле сидел румяный мужчина лет пятидесяти в белой шапочке и в белом халате, по всей видимости, врач. Мы улыбнулись друг другу и познакомились. Точнее, он назвал себя, а я нет. Иван Иванович Ойстрах, лечащий врач травматологического отделения 36-й городской больницы, где я имел несчастье (или удачу?) очутиться.

— Простите меня, пожалуйста, доктор, что произошло?

— Вы разве не помните?

— Честно говоря, нет.

— Совсем ничего?

— Полный провал, — я попытался сесть повыше, но доктор предостерегающе поднял руку.

— Не стоит делать резких движений, Олег Григорьевич, пока не получим результаты кое-каких анализов.

Меня удивило не то, что он назвал меня каким-то незнакомым именем, а странный блеск в его глазах — взгляд человека, который не очень доверяет своему зрению…

— Почему вы называете меня каким-то Олегом Григорьевичем? — Я не хотел задавать этот вопрос, он вырвался сам собой.

— Как? — голубенькие глазки на румяном лице забавно округлились. — Но вы и есть Олег Григорьевич Боченков, так написано в паспорте.

Милейший доктор сказал, что я попал в аварию, во всяком случае меня доставили из какого-то переулка в Сокольниках в бессознательном состоянии... Ой ли? Авария ли? Преступник скрылся с места наезда, а свидетели, если они были, наверняка молчат в тряпочку. Как я мог оказаться ночью в незнакомом месте, далеком от всех обычных мест пребывания, которые я помнил? Без сопровождения? Кто поверит по нынешним временам, что такого человека, как я, успешного политика, яростного борца за экономические свободы, последовательного защитника униженных и оскорбленный, миллионера в конце концов, могла сбить случайная машина, умчавшаяся в ночь? Но если не случайный наезд, то что же? Заказное убийство? Попытка запугать? И что делать дальше? С одной стороны, логика подсказывала, что следует объявиться, связаться со своим штабом в Думе, с охраной, с газетами, с телевидением, иными словами, придать происшествию публичность и постараться извлечь из него максимальные выгоды, но с другой стороны, если мое предположение верно и за мной началась охота, то не разумнее ли некоторое время побыть инкогнито, отсидеться, выздороветь, обиняком выяснить, что происходит, какова реакция на мое исчезновение с политического горизонта... и так далее... Если бы еще знать, кто такой Олег Григорьевич Боченков и каким образом ко мне попали его документы?

Так и задремал перед рассветом, не ответив ни на один из вопросов…

Газета «ЗАВТРА» зарегистрирована в Министерстве печати и информации РФ 5 ноября 1993 года
Регистрационный № 012154
Учредитель – А. А. ХУДОРОЖКОВ

Адрес редакции: 119146,г.Москва,Комсомольский проспект,13. Тел.редакции: 247-13-37.
E-mail: zavtra@zavtra.ru ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ: http://zavtra.ru/
Служба распространения: 245-96-26 (тел/факс).
Газета отпечатана в ЗАО Красногорская типография,г. Красногорск, Коммунальный квартал,2. Общий тираж 100 000

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

По вопросам размещения рекламы в "Завтра" обращаться по тел.: (095)245-96-26

Подписано в печать 14.10.2003 г. Заказ № 3097